

**ARBITRAZH VS ARBITRATION:
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ В РУССКО-
АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ РЕАЛИЙ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ
СИСТЕМЫ**

Проблематика настоящей статьи затрагивает вопросы установления соответствий между некоторыми понятиями терминологической системы в языковой паре русский-английский, обслуживающей правовые отношения российских юридических и частных лиц с их зарубежными партнерами. Значимость нахождения точных переводческих эквивалентов и развития устойчивой юридической терминологии в указанной языковой паре становится тем более явной, если вспомнить ту роль *lingua franca*, которую в наши дни английский язык играет в современной Европе – общеизвестным фактом является то, что ведение документации на английском языке осуществляется не только в странах общего права, где английский, как правило, является государственным языком, но и во многих других странах, компании и организации которых ведут свою деятельность на международной арене. В качестве примера Зинкевич Н.А. удачно приводит экономический союз БРИК, где рабочим языком является английский, хотя никто из участников организации не является его носителем. (5, 157)

Англо-русская юридическая терминология, хотя и является в настоящее время одной из наиболее востребованных отраслевых терминосистем в связи с активной интернационализацией деловой активности, еще довольно далека от той степени устойчивости, которая позволила бы занятым в данной сфере профессионалам (переводчикам и не только) «без оглядки» пользоваться предлагаемыми в словарях эквивалентами. И речь здесь не столько о существенных различиях правовых систем прецедентного и континентального права, ввиду которых перевод усложняется за счет отсутствия тех или иных понятий (что зачастую

решается заимствованием) или несовпадений объемов их значений, сколько о слишком коротком для развития хоть сколько-нибудь устойчивой системы соотношения терминов временном отрезке, который прошел с момента распада Советского Союза – события, явившегося «пусковым крючком» для стремительного развития деловых отношений российских компаний с зарубежными странами. Несомненно, эволюция данной терминосистемы началась задолго до указанного момента, однако скорость ее развития в постсоветский период ни в коей мере нельзя сравнивать с темпами ее формирования в период закрытости государства от внешнего мира. Бурное развитие коммерческих отношений с зарубежьем, начавшееся в 90-ые годы прошлого века, естественным образом привело к резкому увеличению спроса на англо-русский юридический перевод, а, следовательно, и установление соответствий между правовыми понятиями российской правовой системы, основанной на романо-германской правовой доктрине, и системы общего права.

Потребность скорейшего решения указанной проблемы не совсем положительным образом сказалась на качестве предлагаемых переводческих эквивалентов. Поспешное выискивание соответствий на фоне недостаточного знакомства с правовой системой государства-партнера привело к появлению некоторых казусов. Так, в качестве перевода на *articles of incorporation* в словарях предлагались мало сопоставимые понятия:

- 1) «устав корпорации» (2);
- 2) «устав акционерного общества», «учредительный договор акционерного общества» (4);
- 3) «свидетельство о регистрации корпорации» (1);
- 4) «статьи инкорпорации» (соглашение о создании корпорации (положения о ее целях, основателях и капитале), подаваемое основателями соответствующему регистрирующему органу в данном штате) (10).

Как видно, одно и то же понятие отнесено к разным видам учредительных документов не только в разных словарях, но и в рамках одной

словарной статьи (см. прим. 2). Ввиду отсутствия авторитетных источников, которые могли бы представить заслуживающую доверия информацию, практика перевода изобилует разнообразием эквивалентов, которые часто не только являлись неверными, но и взаимно исключали друг друга.

Одним из известных камней преткновения в практике русско-английского перевода юридических текстов стало ложное соответствие между понятием «арбитражный суд РФ» и английским термином *arbitration*.

На настоящее время большинству специалистов, работающих в сфере юриспруденции в международных компаниях, известен тот факт, что такая реальность судебной системы РФ как «арбитражный суд» никак не может быть переведена на английский язык термином *arbitration*, поскольку в странах общего права данный термин, также как медиация (*mediation*) и примирение (*conciliation*) относится к **внесудебному** способу урегулирования спора. Сравните, например, определение *arbitration*, предлагаемое в *Webster's Pocket Legal Dictionary*: “A process for resolution of disputes without resort to the courts, through submission of the dispute to a private individual (the arbitrator), or a panel of arbitrators, selected jointly by the parties” (процесс разрешения споров без обращения в суд путем привлечения для рассмотрения спора частного лица (арбитра) или коллегии арбитров, совместно избираемых сторонами). В то же время арбитражные суды РФ, рассматривающие экономические споры между юридическими лицами, являются федеральными судами, частью государственной судебной системы.

Как видно, приведенная пара терминов ни в коей мере не может выступать в качестве соответствий, так как по существу они относятся к совершенно разным механизмам разрешения споров. Тем не менее, довольно продолжительное время после распада Советского Союза указанные понятия выступали как переводческие эквиваленты. Так, в Русско-английском словаре под общим руководством А.И. Смирницкого (1991) «арбитражный суд» переводится как *court of arbitration*, при этом предлагается и термин *arbitration tribunal*. Те же варианты соответствий даны и в Новом Большом

англо-русском словаре под редакцией Ю.Д. Апресяна. Ошибочное смешение вышеназванных понятий (арбитражный суд = *arbitration*) наблюдается и в правовой литературе того времени, как отечественной так и зарубежной: “The High Arbitration Court supervises the activities of lower-level arbitration courts ...” (17, 158) “The Supreme Arbitration Court is the highest of the arbitration courts, which are concerned with economic (and commercial) cases.” (16, 150). Ф. Фелдбругге, говоря о происходящей после распада Советского Союза трансформации старых советских государственных арбитражных судов в обширную систему коммерческих судов, хотя и пытается отразить истинный смысл понятия *arbitration* в его применении к арбитражным судам СССР, добавляя к нему прилагательное *state*, тем не менее, для обозначения государственных арбитражных судов РФ уже использует термин *arbitration* без каких-либо уточнений, что имеются в виду именно государственные суды. Ср.: “...the transformation of the old Soviet state arbitration into a comprehensive system of commercial courts...” (18, 210) “... Russia enjoys the luxury of three independent supreme courts who each may build up their own view of the law: the Constitutional Court, the Supreme Court, and the High Arbitration Court.” (там же) При этом указанный термин (*arbitration*) автор использует и применительно к Морской арбитражной комиссии, и к Арбитражному суду при Торгово-промышленной палате РФ: “Foreign trade arbitration is entrusted in principle to the Arbitration Court attached to the Chamber of Trade and Industry of the Russian Federation; the Maritime Arbitration Commission is also attached to this institution.” (там же, 211) Как ни странно, но подобный вариант перевода встречается и в работе известного американского юриста К. Осакве, чей перевод Гражданского кодекса РФ является одним из наиболее популярных в наши дни: “The supreme arbitration court heads the judicial pyramid which consists of three levels of commercial courts.” (30, 207) “Decisions of the various commercial courts, especially of the plenum (ie, en banc session) of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation...” (там же, 322)

Случаи подобного уравнивания обсуждаемых выше понятий не только наблюдаются в переводческой практике и специализированных словарях, но уже и «вошли в историю», в негативном смысле этого выражения, оказав медвежью услугу заказчику перевода.

В частности, в сборнике «Практика Международного коммерческого арбитражного суда¹ при ТПП РФ за 2001-2002 гг.» описывается иск (дело № 217/2001 от 06.09.2002 г.) Закрытого акционерного общества, имеющего местонахождение на территории РФ (Истец по делу), к канадской компании (Ответчик) о взыскании убытков, возникших вследствие непоставки товара.

Ответчик подал в МКАС заявление об отсутствии у МКАС компетенции по рассмотрению спора, мотивируя прекращение разбирательства дела несовпадением текстов в русском и английском вариантах арбитражной оговорки договора от 01.10.1998 г. В тексте арбитражной оговорки, составленном на русском языке, предусматривалось рассмотрение споров в Арбитражном суде при Торгово-промышленной палате РФ². В англоязычной версии арбитражная оговорка относилась к рассмотрению споров в *Arbitration court of Russia*. При этом в договоре, составленном на русском и английском языках, указывалось, что оба текста имеют одинаковую юридическую силу.

По заявлению Ответчика, поскольку противопоставление текстов арбитражной оговорки на различных языках недопустимо, указанная оговорка не позволяет установить волеизъявление сторон о передаче споров на разрешение в МКАС. Более того, Ответчик указал, что изначально подразумевалась передача спора в государственный арбитражный суд, а никак не на третейское разбирательство. По его словам, английский текст арбитражной оговорки, согласно которой споры передаются «to the Arbitration court of Russia», не может пониматься англоязычными деловыми

¹ далее МКАС

² Неточность в названии третейского суда в тексте арбитражной оговорки на русском языке в нашем случае не меняет сути дела.

людьми и юристами иначе, чем договоренность о передаче споров на разрешение государственного арбитражного суда в России, в подтверждение чего был представлен affidavit Президента фирмы Ответчика. Также было подчеркнуто, что если бы стороны имели в виду передачу споров на разрешение в МКАС, то они воспользовались бы текстом рекомендуемой в Регламенте МКАС арбитражной оговорки³.

В этой связи, состав арбитража МКАС обсудил вопрос о своей компетенции, в результате чего арбитры посчитали утверждение Ответчика о том, что англоязычный текст договора подразумевал передачу споров в Российский государственный арбитражный суд, необоснованным. При вынесении решения МКАС отметил, что термин *arbitration court*, записанный в английском варианте договора, невозможно соотнести в русском языке с понятием «государственный суд», а только с понятием «третейский суд», что ясно видно из международных актов и регламентов международных третейских судов. Данное утверждение также было подкреплено и литературными источниками.

Так, было указано, что из текста Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (*United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards, 1958*) ясно следует, что данная конвенция применима только к решениям иностранных третейских судов и неприменима к решениям иностранных государственных судов. Подобный подход принят и в Арбитражном регламенте ЮНСИТРАЛ (принят Генеральной Ассамблеей ООН 15 декабря 1976 г.), и в Типовом Законе ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (1985 г.), на основе которого принято законодательство о

³ «Any dispute, controversy or claim which may arise out of or in connection with the present contract (agreement), or the execution, breach, termination or invalidity thereof, shall be settled by the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation in accordance with its Rules». - «Все споры, разногласия или требования, возникающие из настоящего договора (соглашения) или в связи с ним, в том числе касающиеся его исполнения, нарушения, прекращения или недействительности, подлежат разрешению в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации в соответствии с его Регламентом».

международном торговом арбитраже во многих странах, в том числе и англоязычных: в частности, в Канаде на федеральном уровне и уровне законодательных органов всех провинций и территорий, Австралии, в четырех штатах США (Калифорнии, Коннектикуте, Орегоне и Техасе), в Шотландии. Помимо этого, было отмечено, что Третейский суд Международной торговой палаты в Париже называется по-английски *International Court of Arbitration of the ICC*. Аналогичной является терминология и Лондонского международного арбитражного суда. (8)

МКАС также отметил и работу Б. Мак Дэвида «Arbitration Alternatives with a Russian Party», опубликованную Американской ассоциацией адвокатов (*American Bar Association*) в 1998 г., где проводится четкое различие между разрешением споров в системе российских государственных арбитражных судов, которая названа «system of Russian Arbitrazh Courts» и международным коммерческим арбитражем, в частности МКАС при ТПП РФ, Арбитражным институтом Стокгольмской торговой палаты, Международным коммерческим арбитражным судом Международной торговой палаты». (там же)

Помимо всего, МКАС сделал ссылку на переводы на английский язык Гражданского кодекса РФ, осуществленные авторитетными англо- и русскоязычными юристами, где делается четкое разграничение между понятием *arbitration* в английском языке и государственными арбитражными судами в русском языке. В качестве примера был приведен опубликованный перевод ГК РФ на английский язык, осуществленный американским юристом Питером Б. Мэггсом при участии российского юриста А. Н. Жильцова, перевод ГК РФ английского юриста Уильяма Э. Батлера (а также его русско-английский юридический словарь, опубликованный в 1995 г.).

Сравним переводы пункта 2 статьи 10 ГК РФ, выполненные вышеуказанными авторами:

В случае несоблюдения требований, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, суд, арбитражный суд или третейский суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права. (Статья 10(2) ГК РФ)

а) Перевод П. Мэггса и А. Н. Жильцова: *“In case of failure to observe the requirements provided by Paragraph 1 of the present Article, the court, commercial court, or court of private arbitration may refuse the person protection of the right belonging to him.”* (24, 5)

Как видно, в данном случае в отношении государственных арбитражных судов использован термин *commercial court*, а в отношении третейских судов – термин *court of private arbitration*.

б) Перевод Уильяма Э. Батлера: *“In the event of the failure to comply with the requirements provided for by point 1 of the present Article, a court, arbitrazh court, or arbitration court may refuse to defend the right belonging to the person.”* (15, 6).

Здесь применительно к государственным арбитражным судам использован термин *arbitrazh court*, в то время как термином *arbitration* обозначены именно третейские суды. К слову сказать, подобной же терминологии У.Э. Батлер придерживается и в работе «Russian legal texts: the foundations of a rule-of-law state and a market economy», опубликованной совместно с Дж. Э. Хендерсон.

Вышеописанный случай наглядно демонстрирует, насколько осторожно следует обращаться с юридической терминологией, сопоставляя языковые обозначения понятий различных правовых систем, и насколько для профессионального перевода важно хорошее знакомство с правовой системой государства делового партнера.

За последнее десятилетие в зарубежной юридической литературе стали появляться предостережения о подобных ловушках в интерпретации названий места рассмотрения спора, подстерегающих компании, которые заключают договоры с российскими организациями. В частности, в работе Дж. Хинтереггера и Х. Хайнриха «Russia – continuity and change» можно

встретить следующее пояснение: «Одна проблема в реализации (Закона о международном коммерческом арбитраже от 07.07.1993) связана с названием суда: в русском языке МКАС называется арбитражным судом, что на самом деле является названием государственных судов по торговым делам, в то время как суды, осуществляющие разрешение споров на основе взаимного волеизъявления сторон, называются третейскими. Таким образом, существует вероятность того, что стороны намереваются указать в арбитражной оговорке в качестве места разрешения спора МКАС, но в действительности (случайно) указывают государственный арбитражный суд. (21, 232; перевод автора) О том же говорит и Хироси Ода в книге «Russian commercial law», отмечая, что название «арбитражный суд» не отражает истинную природу данного института и его не следует путать с такими арбитражными институтами как МКАС при ТПП РФ и другими, которые носят название «третейский». (27, 26; перевод автора)

Как показывает анализ англоязычных работ, посвященных исследованию российской правовой системы, в наши дни в отношении понятия «арбитражный суд РФ» из всех описанных выше вариантов перевода наиболее распространенной практикой является его замена транслитерированным вариантом *arbitrazh court*, что помогает подчеркнуть специфичность данной реалии российской судебной системы. Указанный вариант встречается в большинстве работ последних лет, а также используется крупнейшими международными юридическими компаниями. Сравните помимо приведенных выше примеров также и следующие: “If the debtor contests the creditor’s claim, the creditor will need to appeal to the arbitrazh court.” (19, 97) “The arbitrazh courts are commercial courts dealing with commercial disputes...” (там же, 112). “... ICAC case law is not binding on the arbitrazh courts. Moreover, an ICAC’s award may be annulled by the arbitrazh courts.” (12)⁴ “... see Decree No. KG-A40/7725-03 of the Moscow Okrug Federal

4 Пример из публикации сотрудника международной юридической фирмы White & Case

Arbitrazh (i.e. commercial) Court of 6 November 2003).” (11, 231)⁵ “...item 24 of the Letter of the Supreme Arbitrazh Court No. 96 dated 22 December 2005.” (там же, 234) “Russian arbitrazh courts and courts of general jurisdiction treat state jurisdictional immunity differently. (там же, 239) “The APC governs proceedings in Russian arbitrazh (i.e. state commercial) courts that consider disputes between legal entities or registered entrepreneurs.” (25, 129)⁶ “In the state arbitrazh courts cases may also be considered by a judge and two commercial court assessors ...” (там же, 130) “...clarifications from the Plenum of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation, which is the highest state commercial court in Russia, are mandatory on the lower arbitrazh courts... (там же, 131) “...for the practice of the Supreme Arbitrazh (Commercial) Court of Russia and the system of State Arbitrazh Courts it plays a crucial role...” (26, 132)⁷ “When considering an application to set aside the arbitral award, an arbitrazh court is limited to establishing ...” (31, 256) “Not surprisingly, it took over two years to find a replacement for the chair of the arbitrazh court in Primorskii krai (Far East okrug)...” (28, 100) “The Moscow City Arbitrazh Court, for example, has over 130 judges.” (20, 267) “Consideration of a case in an Arbitrazh court usually takes about six months...” (13, 763) “By the time that the awards were made, and the Russian Arbitrazh Courts came to consider them, YNG had been acquired by Rosneft as part of the renationalisation of Yukos’ assets” (Law Society Gazette, 14.06.2011).

Другим популярным вариантом является сочетание *state arbitration court*: “A change of ownership of a share may be challenged only by a relevant claim being filed with the state arbitration court.” (29, 207)⁸ “A number of foreign nationals and companies (claimants) appealed to the Moscow State Arbitration

5 Пример из публикации сотрудника международной юридической фирмы Clifford Chance CIS Limited

6 Пример из публикации сотрудника международной юридической фирмы Dechert LLP

7 Пример из публикации сотрудника российской юридической фирмы, ведущей деятельность на международной арене, «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры»

8 Пример из публикации сотрудника международной юридической фирмы Goltsblat LLP

Court...” (23, 557) Однако анализ источников показывает, что указанный вариант встречается как минимум в 2 раза реже, чем транслитерация.

Несмотря на уже установившуюся практику перевода арбитражных судов РФ, приведенную в примерах выше, до сих пор встречаются случаи неправильного соотнесения его с понятием *arbitration*. Так, в частности, пример подобного перевода можно встретить на официальном сайте Всемирной организации интеллектуальной собственности (*World Intellectual Property Organization*) в разделе, посвященном описанию системы патентования в России: “Russia splits its court jurisdiction into two, namely: the Courts of General Jurisdiction and the Arbitration Courts”⁹.

Что же касается официального наименования на английском языке Высшего арбитражного суда (ВАС) РФ, то на официальном сайте ВАС РФ можно встретить сочетание *Supreme Commercial Court of the Russian Federation*. Также, согласно начальнику отдела переводов юридической фирмы Goltsblat BLP, на сайте www.lawfirm.ru «мелькнула информация о том, что отдел международного частного права ВАС «подготовил глоссарий для “внутреннего” пользования, где государственные арбитражные суды называются не *Arbitrazh Courts*, а *Commercial Courts*». (6)

В целом, несмотря на то, что вопрос о выборе правильного соответствия в большинстве случаев является индивидуальным делом, в нашем случае обзор англоязычных юридических текстов различных жанров и функциональных стилей показывает, что бóльшая часть юридического сообщества, имеющего отношение к данному вопросу, в языковой паре английский-русский отдает предпочтение практике транслитерации.

Время покажет, станет ли данный вариант перевода универсальным или его заменит сочетание *commercial court*, который выбрал для себя ВАС РФ, но факт остается фактом – наблюдающиеся расхождения между степенью употребительности транслитерации *arbitrazh* и другими

⁹ World Intellectual Property Organization. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=206380 (дата обращения: 03.08.2011)

вариантами, свидетельствующие в пользу первого, говорят о том, что потребность передать российскую реалию перевешивает соображения удобства, которое обеспечивает использование уже имеющихся в английском языке понятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский словарь по экономике и финансам: Ок. 75000 терминов / Под. ред. А. В. Аникина. - СПб.: «Экономическая школа», 1993.
2. Андрианов, С. Н.; Берсон, А. С.; Никифоров, А.С. Англо-русский юридический словарь. М: Русский язык, 1993.
3. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Новый Большой англо-русский словарь. М., 2003.
4. Борисенко И.И., Саенко В.В. Русско-английский юридический словарь. М.: РУССО, 2000.
5. Зинкевич Н.А. «Деловой английский» в контексте глобализации. // Филологические науки в МГИМО, № 44 (59). М.: «МГИМО-Университет», 2011. с.154-160.
6. Некрасова Т.П. Ошибки и ловушки в юридическом переводе. Арбитраж. //Национальная лига переводчиков. URL:<http://www.russian-translators.ru/for-translators/exp/s-yuridicheskogo-na-obzsheponyatnyy/oshibki-i-lovushki-v-yuridicheskom-perevode-arbitraj/> (дата обращения: 05.09.2011)
7. Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2001-2002 гг. // Сост. М.Г. Розенберг. – М.: «Статут», 2004. – с.117-119.
8. Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. 4-е издание.
9. Русско-английский словарь. Под общим руководством проф. А. И. Смирницкого. М., 1991.
10. Федоров Б.Г. Новый англо-русский банковский и экономический словарь. Изд. «Лимбус Пресс», С-Пб., 2000.
11. Aitkulov, T., Popelysheva, J. Russia. // The International Comparative Legal Guide to: International Arbitration 2010. London: Global Legal Group, pp 231-240.
12. Barnashov, A. The Optional Arbitration Agreement: A Russian Perspective. // WHITE & CASE: Publications, 2008. URL: http://www.whitecase.com/publications_04302008 (дата обращения: 27.08.2011).
13. Berend J. H. Crans, Ravi Nath. Aircraft repossession and enforcement : practical aspects. The Netherlands: Kluwer Law International, 2009.
14. Butler W. E., Henderson J. E. Russian legal texts: the foundations of a rule-of-law state and a market economy. Simmonds & Hill Publishing Ltd, 1998.

15. Butler, W. E. Russian civil legislation: the Civil Code (parts one and two) and other surviving civil legislation of the Russian Federation. Simmonds and Hill Publishers Ltd, 1998.
16. Danks, Catherine J. Russian politics and society: an introduction. Pearson Education Limited, 2001.
17. Davydov, O., Oreshkin, V. Liberalization of Russian foreign trade: problems and prospects. Fordhum University Press, 2000.
18. Feldbrugge, Ferdinand J.. Russian Law: The End of the Soviet System and the Role of Law. Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 1993.
19. Fuchs, M. J. Building trust: developing the Russian financial sector. The World Bank, 2002.
20. Herbert M. Kritzer, Susan S. Silbey. In litigation: do the "haves" still come out ahead? Stanford Law and Politics, 2003.
21. Hinteregger, G., Heinrich, H. G. Russia – continuity and change. SpringerWienNewYork, 2004.
22. James E. Clapp. Random House Webster's Pocket Legal Dictionary. Random House Information Group, 2007.
23. Lang, Michael. Procedural rules in tax law in the context of European Union and domestic law. The Netherlands : Kluwer Law International, 2010.
24. Maggs, Peter B., Zhiltsov, A.N. The Civil Code of the Russian Federation. USA, 1997.
25. Marisin, I., Kuznetsov, V. Russia. // The International Comparative Legal Guide to: Class & Group Actions 2011. London: Global Legal Group, pp 129-134.
26. Maskovtsev, A., Kokorin, A. Russia. // The International Comparative Legal Guide to: Corporate Governance 2011. London: Global Legal Group, pp 132-137.
27. Oda, Hiroshi. Russian commercial law. Martinus Nijhoff Publishers, 2007.
28. Reddaway, P., Orttung, Robert W. Dynamics of Russian politics: Putin's reform of federal-regional relations. Lanham : Rowman & Littlefield, 2005.
29. Rogoza, A., Kaploukhiy, M. Russia. // The International Comparative Legal Guide to: Mergers & Acquisitions 2011. London: Global Legal Group, pp 203-208
30. Russian Civil Code. Parts 1–3: Text and Analysis / Translation and Commentary by Christopher Osakwe. – М.: Волтерс Клувер, 2008.
31. The Baker & McKenzie International Arbitration Yearbook 2009. Wolters Kluwer, 2009.